

Цубикова Любовь Сергеевна,
к.и.н., доцент, доцент кафедры «Экономики, маркетинга и психологии управления»,
ФГБОУ ВО «Ангарский государственный технический университет»,
e-mail: lkor11@mail.ru

**КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КУЛАКОВ В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ
1930-Х ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)**

Tsubikova L.S.

**THE CONFISCATION OF THE PROPERTY OF THE KULAKS IN THE LATE
1920 S – EARLY 1930 S. (ON EAST SIBERIAN MATERIALS)**

Аннотация. В статье рассматривается вопрос изъятия имущества у кулаков и дальнейшего его распределение. Имущество раскулаченных передавалось колхозам, сельсоветам, пополняло «фонды коллективизации и кооперации деревенской бедноты и батрачества», тем самым увеличивая их материальную базу.

Ключевые слова: имущество, конфискация, раскулачивание, крестьянство, государство.

Abstract. The article discusses issues of seizure of property from the kulaks and its further distribution. The property of the dispossessed was transferred to collective farms, village councils, replenished the «funds of collectivization and cooperation of the rural poor and farm laborers», thereby increasing their material base.

Keywords: property, confiscation, dekulakization, the peasantry, the state.

Процесс массового раскулачивания связывают с реализацией Постановления Политбюро ЦК ВКП от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» (далее Постановление от 30 января 1930 г.). И, тем не менее, многие историки отмечают, что он начался раньше – в конце 1920-х [11, 12, 13 и др.], чему способствовало усиленное налогообложение, поддерживаемое административными и правовыми методами. Тогда активно стали использоваться статьи 60, 61, 107 УК РСФСР, которые предусматривали, в том числе, конфискацию имущества. Циркуляр № 3/с-5/с изданный в январе 1928 г. и подписанный исполняющим обязанности Сибкрайпрокурора, полномочными представителями ОГПУ и Предсибкрайсуда требовал, чтобы статья 107 УК касалась «исключительно кулаков, как скупающих хлеб, так и не выпускающих имеющиеся у них хлебные излишки на рынок» [10, Л.18]. Статьи 60 (неплатёж установленных налогов) и 61 (отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производственных работ, имеющих общегосударственное значение) были расширены, в 1930 и 1931 гг., соответственно, и стали включать меру ответственности специально для кулачества, предполагая помимо конфискации имущества, лишение свободы, принудительные работы, ссылку и штрафы, вплоть до десятикратного размера причитающихся платежей [17].

В рамках сельскохозяйственной кампании 1927/1928 по статье 107 УК РСФСР по Иркутскому округу к лету 1928 г. было изъято 39 402 пудов хлеба,

девять молотилок, семь жаток, две сеялки, восемь триеров, одна косилка, два плуга, три дома, одна лошадь и две коровы [10, Л.58–58 об.].

Часть кулаков, желая избежать экономического давления и не потерять политические права, предпочитала вступать в коллективные хозяйства, соответственно внося туда свое имущество (полностью или частично в зависимости от формы коллективного хозяйства). Но 5 декабря 1929 г. Сибкрайком ВКП(б) принял постановление «О чистке колхозов и других сельскохозяйственных объединений от кулацких элементов», в котором предлагал в срок до 15 февраля провести повсеместную «чистку», и наиболее активных «кулаков» выселить из районов сплошной коллективизации в необжитые в сельскохозяйственном отношении районы Сибири [11, С.92]. При таких чистках кулаки изгонялись из колхоза, а имущество им не возвращалось.

С января 1930 г. раскулачивание проводилось централизованно. Ликвидация кулаков в первую очередь должна была проводиться в районах сплошной коллективизации. Согласно Постановлению от 30 января 1930 г. предусматривалось: изъятие сберкнижек и облигаций (составлялась опись с выдачей расписки о направлении их на хранение в соответствующие органы Наркомфина; выдача выселяемым кулацким хозяйствам из взносов в сберегательных кассах и предоставление ссуд под залог облигаций в районах сплошной коллективизации прекращалась), паи и вклады в кооперативных объединениях передавались в фонд коллективизации бедноты и батрачества, а их владельцы исключались из всех видов кооперации» [16, С.126-130]. Также конфискации у кулаков подлежали: скот, средства производства, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке, кормовые и семенные запасы. Изымаемые средства производства и имущество передавались районными исполнительными комитетами (РИК) в колхозы в качестве взноса бедняков и батраков с зачислением конфискованного имущества в неделимый фонд колхозов с полным погашением из конфискуемого имущества причитающихся с ликвидируемого кулацкого хозяйства обязательств (долгов) государственным и кооперативным органам.

Тоже Постановление от 30 января 1930 г. расписывало процедуру изъятия собственности, которая должна была производиться особо уполномоченными райисполкомов с обязательным участием сельсовета, председателей колхозов, батрацко-бедняцких групп и батрачкомов, а решение о конфискации и выселении – на основании постановления общего собрания членов колхоза и собрания батрачества и бедноты. При конфискации составлялась «точная опись» и оценка конфискуемого имущества, с возложением на сельсоветы ответственности за полную сохранность конфискованного. Согласно постановлению бюро Канского окружного комитета кулакам давалось время на освобождение жилого фонда – две недели. В исключительных случаях допускалось переселение до весны в батрацко-бедняцкие дома на окраины сел с тем, чтобы к

весне, не позднее 15-го мая их выселить из селений [86, Лл. 26, 27]. Хотя в действительности, раскулачивание весной 1930 не ограничилось.

У выселяемых и расселяемых кулаков при конфискации имущества должны были быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода, некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте и необходимый на первое время минимум продовольственных запасов. Денежные средства выселяемых кулаков также конфисковались с оставлением в руках кулака некоторой минимальной суммы (до 500 рублей на семью), необходимой для проезда и устройства на месте. Таким образом, данный правовой документ позволял практически полностью изымать имущество у кулаков.

В конце 1930-го г. при РИКах стали образовываться специальные комиссии по пересмотру «всех конфискованных у кулачества домов», после чего, их часть была передана под школы и дошкольные учреждения.

В дальнейшем закон обязал (п. «ж» ст.6-ая постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1930 г.) все конфискуемые дома передавать не колхозам, а сельсоветам [6, Л.23].

На основании постановления СНК СССР от 11 апреля 1930 г. изъятое имущество кулаков пополняло «фонды коллективизации и кооперации деревенской бедноты и батрачества».

Имущество описывалось и распродавалось с помощью торгов. Так, по Красноярскому округу с начала кампании раскулачивания и по 25 февраля 1930 г. было составлено 2022 описи, конфисковано имущества у 1282 хозяйств на сумму 832 669 руб. [19, Л. 69-70].

При распродаже имущества на местных органах власти лежал контроль за дальнейшей его судьбой, они должны были предупредить распродажу за бесценок.

На протяжении всего процесса раскулачивания отмечались не только случаи незаконного изъятия имущества, но и его «неправильного использования». Так, например, в инструкции «О недопущении растранижения описанного за неплатёж налогов и сборов за имущества» от 5 октября 1932 г., адресованному руководству Восточно-Сибирского края отмечается, что «за последнее время в ряде районов имеют место случаи передачи из личного пользования у кулаков (а иногда и у трудовых хозяйств) имущества в пользование сельских советов и районных исполнительных комитетов, причём очень часто имущество передаётся совершенно бесплатно или по недопустимо низким ценам, в результате чего не погашаются начисленные на кулаков платежи (сельхозналог, культжилсбор, самообложение, страховые платежи и др.) и создаются затруднения при выполнении бюджета, заставляющие район требовать отпуска дотаций. Кроме этого пользование имуществом лицами, подчас и производившими изъятие этого имущества указывает правильные нарекания и нездоровые на-

строения со стороны населения. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения из Красночикийского района свидетельствуют о том, что в ведении райисполкома передавались бесплатно дома стоимостью в 3000 руб, передавались лошади по ценам ниже не только рыночных, но и заготовительных» [2, Л.64].

Сами продать свое имущество кулаки не имели право. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 1 февраля 1930 г. «О воспреещении самовольного переселения кулацких хозяйств и распродажи ими имущества» кулацким хозяйствам без разрешения районного исполнительного комитета запрещалось переселение и продажа своего имущества. Нарушение постановления влекло за собой конфискацию имущества и позволяло применять иные репрессивные меры [16, С.161].

Факты неправильного изъятия имущества в дальнейшем рассматривались и согласно УК РСФСР статьи 110 они определялись как должностные (служебные) преступления, за которые предусматривалось лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев. Но на примере председателя сельсовета Сергеева В.Ф., мы видим, что такие случаи могли переводиться в дисциплинарное наказание. Так, в августе 1932 г. прокурор Усольского района Восточно-Сибирского края «просмотрев в порядке надзора уголовное дело за № 5250/753 по обвинению председателя Китойского сельсовета Сергеева Василия Фёдоровича в преступлении предусмотренным ст. 110 УК в том, что Сергеев допустил превышение власти по изъятию имущества у гражданина Лесникова, продукты питания распределил между сельским активом, остальную часть имущества распродав, не имея на то разрешения райисполкома и опись имущества последним не была утверждена», постановил: дело по обвинению Сергеева Василия Фёдоровича, в уголовном порядке дальнейшим производством прекратить. Возбудить дисциплинарное преследование против Сергеева через президиум Райисполкома» [3, Л.94].

В дальнейшем те крестьяне, которые были неправильно раскулачены, годами писали письма, жалобы, обращались в различные комиссии для того, чтобы вернуть свое имущество. Так, например, крестьянин из села Усть-Балей Усольского района Зверев Митрофан Иннокентьевич. Из его заявления Краевому прокурору Восточно-Сибирского края от 25 апреля 1931 г., мы можем сделать вывод, что данное разбирательство длилось практически два года, так он пишет: «Около двух лет тому назад мое хозяйство Усть-Балейским сельсоветом было отнесено к числу кулацких, и я был лишен избирательных прав. Но так как и то и другое было несправедливым, то мною была подана на это жалоба, в результате которой я был восстановлен в избирательных правах и хозяйство мое исключено из числа кулацких. ... После того и до настоящего момента никаких опорочивающих меня обстоятельств не произошло и никаких признаков для отнесения меня к кулакам не появилось, а как видно из прилагаемой копии удостоверения того же сельсовета от 20/11-30 г. за № 1785 – я в течение всего 30

года был средняком. ... Несмотря, однако же, на все это без всяких оснований и по совершенно непонятных для меня причинам, в начале 31 г. я был вновь отнесен к числу кулаков. ... В виду всего прошу сделать распоряжение о производстве расследования по существу настоящего моего заявления и о возврате моего имущества, или возмещении понесённых потерь» [1, Л.7-7 об.]. Архивные документы свидетельствуют, что вернуть имущество было практически невозможно, даже если было предписание со стороны правоохранительных органов, т.к. деньги, полученные от распродажи были потрачены, а имущество (например, молотилки, сепараторы) было запущено в производственный оборот.

При работе с архивными документами, мы не нашли развернутых, комплексных данных о распределении изъятого имущества, поэтому можем судить об этом из косвенных документов, которые свидетельствуют о том, что конфискованное имущество кулачества внесло весомый вклад в оснащённость колхозов и советских органов власти на местах, особенно это касалось начала 1930-х гг. Так, например, комиссия, организованная для проверки колхоза «КИМ» в Куйтунском районе, обратила внимание на снижение стоимости трудодня в 1932 г., на что получила ответ: «стоимость трудодня выше в 1931 г. потому, что колхозу было передано большое количество кулацкого посева озимыми» [7, Л.5].

Еще одна важная статья доходов на селе – это наличие «промышленных предприятий», к которым относились мельницы, крупорушки, маслобойки и др., они были как государственные, кооперативные, так и частные. Значение последних было весомым. В 1925 г. в Иркутском округе, к примеру, частными водяными мельницами, было переработано 840046 пудов зерна на муку, кооперативными – 511588 пудов и государственными – 29080 пудов. Наличие таких предприятий у крестьянина (например, по «Положению о едином сельскохозяйственном налоге» от 20.02.1929 г.), позволяло его относить к кулацкому хозяйству, соответственно с 1930 г. оно попадало под раскулачивание [9, Л.84].

Что касается животноводства, то скот, конечно, изымался у кулаков при раскулачивании, но предполагаем, что решающего значения на имущественном колхозном развитии (для большинства колхозов) это не сказалось. Так как документы начала 1930-х гг. пестрят сведениями о массовом забое скота в едином секторе. А, например, в докладной записке о состоянии и перспективах развития животноводства в Усольском районе, составленной на 1 января 1932 г. сказано: «стадо по сравнению с 1932 г. сократилось по лошадям на 33,7%, по крупному рогатому скоту на 30%, по овцам на 59%. Такое сокращение в основном объясняется злостным забоем скота кулацко-зажиточными хозяйствами» [8, Л.1а].

Другая проблема, в значительной степени решенная за счет кулацкого имущества – это вопрос с размещением переселенцев. В частности, в 1935 г. в Усольский район из Горьковского края прибыла 191 семья. В плане переселе-

ния на тот год отмечалось, что в районе в наличии находится свободных жилых построек – 255, для скота – 370 [5, Л.1].

Стоит отметить еще одну категорию жителей села, которая зачастую относилась к обобщенному понятию «кулачество», поскольку имела источник нетрудового дохода – это служители религиозных культов. В 1930-1931 гг. вышел ряд секретных циркулярных писем и постановлений правительства и Наркомфина об упорядочении налогового обложения религиозных объединений и духовенства, о трудоустройстве лиц, снявших с себя сан. Было увеличено налоговое обложение церковнослужителей. В случае неуплаты налогов их имущество конфисковалось, а сами они выселялись в другие районы страны.

К началу 1930-х гг. в советской России оформилась правовая база, позволяющая закрывать практически любые религиозные объединения. Церковные здания изымались под общественные нужды. Так, в 1930 г. закрылась церковь в с. Михайловском, поскольку там разместили пионерский клуб, в пос. Мишелевка – клуб культуры и обороны. В октябре 1936 г. была закрыта православная церковь в с. Тайтурка, где первый этаж передали под сельский клуб, а второй – под общежитие военной части [4, Л.10].

Таким образом, при проведении раскулачивания имущество у кулаков (скот, средства производства, хозяйственные и жилые постройки, зерно) практически полностью изымалось, а самим кулакам запрещалось его продажа. В результате чисток кулаки выводились из колхозов, а их имущество оставалось, формируя колхозную материальную базу. Имущество кулаков передавалось в неделимые фонды колхозов; паи и вклады изымались; жилые дома и постройки использовались под школы, дошкольные учреждения и другие советские учреждения, а также передавались переселенцам; колхозам передавалась земля, в том числе иногда вместе с посевом, а также техника: молотилки, сепараторы, мельницы и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивный отдел Администрации муниципального района Усольского районного муниципального образования. Ф.1. Оп.2. Д. 630.
2. АО Администрации МР Усольского РМО. Ф.1. Оп.2. Д.631.
3. АО Администрации МР Усольского РМО. Ф.1. Оп.2. Д.676.
4. АО Администрации МР Усольского РМО. Ф.1. Оп.3. Д.177.
5. АО Администрации МР Усольского РМО. Ф.1. Оп.3. Д. 210.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. ГАИО. Ф.р-600. Оп.1. Д.2429.
7. ГАИО. Ф.р-600. Оп.1. Д.370.
8. ГАИО. Ф.р-600. Оп.1. Д.478.
9. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИО). Ф.16. Оп.1. Д.904.

10. ГАНИИО. Ф.16. Оп.1. Д.936.
11. Гуцин Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928-1934): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия / Н.Я. Гуцин. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1996. – 159 с.
12. Данилов В.П. Введение. Истоки и начало деревенской трагедии / В.П. Данилов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: в 5 т. – М. : РОССПЭН, 1999. – Т.1. : Май 1927 – ноябрь 1929. – С. 13-67.
13. Ильиных В.А. Раскулачивание // Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. – Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. – Т.2. – С.754-755.
14. Леконцев О.Н. Борьба с кулачеством в годы коллективизации (на примере Вятской губернии и Вотской автономной области) // Вестник ТГУ. – 2009. – №12. – С.363-369.
15. Степанов М.Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928-1953 годы): обзор современных историографических исследований // Вестник ЧелГУ. 2009. – №12. – С.145-149.
16. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М. : РОССПЭН, 2000. – Т.2. : Ноябрь 1929 – Декабрь 1930 г. – С.126-130.
17. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3132.htm (дата обращения 23.04.2019).
18. Центр хранения исторической документации Красноярского края (ЦХИДНИ КК). Ф.10. Оп.1. Д.774. Лл. 69-70.
19. ЦХИДНИ КК. Ф.96. Оп.1. Д.804. Лл.26, 27.
20. Чернолуцкая Е.Н. Принудительное переселение дальневосточных крестьян в 1930-1933 гг. /Е.Н. Чернолуцкая // Вестник Дальневосточного отделения академии наук СССР. – 2009. – № 1. – С. 40-47.
21. Шекшеев А.П. Антисоветские восстания Енисейского крестьянства в 1930 г. / А.П. Шекшеев // Аграрное и демографическое развитие Сибири в контексте российской и мировой истории. – Новосибирск: Ин-т истор. СО РАН, 1999. – С. 109-112.
22. Шмелев Г.И. Раскулачивание или рассереднячивание / Г.И. Шмелев // Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. – М. : Наука, 2000. – С. 176-199.